

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Эротофобия

— Все началось еще с моей матери, — с отвращением произнося каждое слово начал свой рассказ Нейт Клейзер. Брр, и чего только стоит вспоминать об этой мерзости! Мало того, что сейчас он был на приеме у психиатра, мало того, что его уложили на ярко-зеленую кушетку, мало того, что он страдал от естественной для каждого мужчины неловкости, но ему еще приходилось все рассказывать, задыхаясь от нахлынувших чувств, врачу-женщине, и, вдобавок, начинать рассказ со своей матери.

— А часто ли вы... ну... сами с собой? — спросила врач Фелиция Бреммер, выпускница Шпицбергеновского Колледжа Психологических Проблем.

— Да не нужно мне это! В том-то и дело. — У него опять возникла боль в голове, где-то в глубине за правым глазом. Пальцы левой руки зажали свой жизнью, независимой от его воли, и заскребли по зеленой кушетке.

— Давайте еще раз вернемся к Вашему рассказу, — попросила доктор Бреммер. — У меня нет полной уверенности в том, что я Вас правильно поняла.

— Ну, хорошо. Вот, к примеру, — он попытался встать, но она твердо положила свою мягкую руку ему на грудь и он был вынужден продолжать лежа. — Вы известны как специалист по проблемам сходным с моей, ну скажем, имеющим отношение к сексу, так? Прекрасно! И только для того, чтобы увидеться с вами, я беру билет на самолет и лечу из Торонто в Чикаго. В самолете находятся две приятные девочки, стюардессы. Сразу же одна из них, Крисси, фамилию не помню, начинает предлагать мне всякие подушечки, разную вкуснятину, а ее напарница, Лора Ли, приносит большой бокал шампанского. И все это только мне, и больше никому ничего! А потом, наклоняясь к моему столику, чтобы поставить бокал, одна из них еще исхитрилась укусить меня за ухо. Через десять минут они уже дрались из-за меня на кухне, а пассажиры в это время всюю нажимали на кнопки вызова, но абсолютно безрезультатно. Девочки все же появились через некоторое время, но только затем, чтобы спросить, какой бифштекс я предпочитаю, с кровью или хорошо прожаренный, а заодно предложить мне мятные конфетки... это в самом деле крайне неловкая ситуация.

И в том же духе продолжается весь этот дурацкий полет. Девочки уже готовы пустить в ход кислородные маски и придушить друг друга шлангами, только из-за того, чтобы просто выяснить кто же из них двоих останется со мной в Чикаго. Я уже не чаю выбраться живым из этого проклятого самолета. Самолет идет на посадку, девочки так никого и не обслужили, и, конечно пассажиры рады бы давно меня прикончить, если бы только не одно «но» — они все уже давно меня любят, и я знаю точно, что без борьбы по трапу я не спущусь.

Но меня спас маленький негритенок, который летел со своей мамой и подмигивал мне всю дорогу. Он им обблевал и кресло и проход, и все на свете... Так вот, пока они засыпали это хозяйство молотым кофе, чтоб не пахло, я тихонько улизнул.

Доктор Бреммер медленно покачала головой:

— Какой ужас! Просто ужасно!

— Ужасно?! Да, это страшно, черт возьми! Я к вашему сведению, вообще живу в постоянном страхе, что когда-нибудь они меня залюбят досмерти!

— Ну, — сказала доктор Бреммер, — а может Вы все же немного, совсем чуть-чуть, драматизируете события?

— Что это Вы делаете?

— Ничего, мистер Клейзер, совершенно ничего. Попробуйте сосредоточиться на Вашей проблеме.

— Сосредоточится? Вы шутите, я и так ни о чем другом думать не могу. Хорошо хоть что я зарабатываю на жизнь карикатурой — работу можно высылать почтой, если бы только мне приходилось выходить на улицу, смешиваться с толпой, меня стали бы рвать на части уже через десять минут!

— Я думаю, что вы все-таки преувеличиваете, мистер Клейзер.

— Конечно, Вам легко говорить, Вы не были в моей шкуре, но со мной так было всегда, сколько я себя помню. Я всегда был самой популярной личностью в классе, меня первого приглашали на белый танец, меня всегда зазывали в бейсбольные и другие команды, так как мое участие почти всегда приносило успех, а учителям всегда было мало моих знаний, им еще хотелось и моего тела...

— В колледже, да? — уточнила доктор Бреммер.

— Черта с два! В детском садике! Я не знаю больше не одного случая, чтобы мальчика в четвертом классе силой затащили в женскую раздевалку и там изнасиловали... Вам этого не понять, черт возьми! Они точно меня залюбят... до смерти!

Голос Нейта звучал резко, неистово и доктор Бреммер попыталась успокоить своего пациента.

— Когда люди бояться, что за ними постоянно следят, что их хотят обидеть или даже убить, — что бывает в крайних параноидальных случаях, — тогда все понятно — это типичная паранойя. Такое случается на каждом шагу, особенно в наше время. Но то, что Вы мне рассказываете, нечто особенное, нечто совершенно противоположное. Я с таким пока не сталкивалась и даже не знаю, как это назвать.

Нейт устало прикрыл глаза:

— И я не знаю.

— Возможно все же это — эротофобия, боязнь быть любимым, — продолжила доктор Бреммер.

— Класс! Даже название придумали! А мне-то, что за польза от этого? Меня волнует секс, а не ваша терминология!

— Мистер Клейзер, — попробовала смягчить ситуацию доктор Бреммер. — Вы же не предполагаете, что результаты скажутся мгновенно. Нам придется поработать вместе...

— Вместе?! Черт, да мне вообще не следовало тут валяться... на вашем диване!

— Прошу Вас, спокойней, мистер Клейзер.

— А что это Вы делаете, собственно?

— Ничего.

— Вы блузочку расстегиваете, я слышу шорох ткани. Я слишком хорошо этот звук изучил!

Оттолкнув психиатра, Нейт поспешно сел на диване. Доктор Бреммер была уже почти полностью раздета, то есть, не дав ему опомниться, она умудрилась скинуть мини юбку, нижнюю юбку, туфли, колготки и крошечные кружевные штанишки... Было совершенно ясно, что эта женщина знает, чего хочет. Нейт увидел, что все было сделано профессионально. Объятый ужасом он вскочил с зеленой кушетки и, шатаясь, направился к двери. Доктор Бреммер метнулась за ним, свесившись с кушетки, по ходу обрушивая стопку журналов «Психология сегодня», и сметая со стола все остальные бумаги.

— О, боже! — заорал Нейт, съезживаясь в страхе.

— Ой, ой, прости, милый, — бормотала доктор Бреммер, сползая с кушетки.

Нейт кинулся бежать, но она быстро поползла за ним и, как капканом, захватила рукой его лодыжку:

— Прошу, умоляю, возьми меня с собой, делай со мной что хочешь, пользуйся мной, оскорбляй меня, бей, я люблю тебя! Я люблю тебя! Отчаянно, безнадежно, абсолютно!

— Господи, господа, господа! — бормотал Нейт, цепляясь за ручку и одновременно пытаюсь сохранить равновесие. Но тут дверь открылась, задев Нейта по плечу, от чего он таки потерял равновесие и наступил, похоже, на спину психиатру.

— О, да! — прохрипела доктор Бреммер. — Попирай меня, бей, я во всем себе отказывала, я не представляла себе, что значит любить такого мужчину, как ты! Возьми же меня, как в «Истории о...», да, да!!!

В то же мгновение в открытую дверь кабинета вошла сестра, прыщеватая женщина, лет пятидесяти, которая уже видела Нейта в приемной. При виде лежащей ничком докторши ее глаза округлились, но уже через секунду она бросилась высвобождать ногу Нейта от обнаженных рук психиатра, до тех пор, пока ее изумление не перешло в вожделение, и она сама не присоединилась к доктору Бреммер...

Нейт с трудом вырвался, оттолкнувшись от стенки, вывалился в дверь, а потом помчался как угорелый.

Нейт добежал до лифта и был в безопасности еще до того, как обе женщины смогли подняться на ноги.

Нейт Клейзер хорошо усвоил, что судьба не жалуется тех, кто медлит.

Уже мчась в сторону Мичиган Авеню, он услышал крики и оглянувшись увидел доктора Бреммер и ее бюст свесившихся из окна восемнадцатого этажа. Он с трудом смог разобрать хоть что-то в ее вопле.

— Если ты меня покинешь, я покончу с собой!!!

— Хорошо, когда у людей есть хоть какой-то выбор, — мельком подумал Нейт и рванул дальше.

Ему негде было укрыться. Не было даже комнаты в гостинице, так как прямо из аэропорта О'Хара он отправился в клинику. Пожалуй, впервые за последние шесть лет, он более двух часов находился вне спасительных стен своего дома-укрытия в Торонто. Отчаянно хотелось выпить, а силы ада искушали сладким видением яичницы с сыром.

Неоновая реклама Будвайзера и солидная, тяжелая, темная дверь говорили сами за себя, и Нейт осторожно прошмыгнул внутрь. Похоже ему повезло. Это было царство абсолютного спокойствия в эпицентре тайфуна. Как раз в тот краткий миг, когда еще не пришли скрытые алкоголики, чтобы быстренько пропустить для храбрости рюмку-другую, и не прибыли постоянные клиенты, чтобы присосаться к рюмке и повиснуть на стойке бара до закрытия...

Нейт проскользнул в затемненную кабинку, задул горевшую свечу, стоящую в железном подсвечнике на столе, и приготовился ждать официанта, отчаянно надеясь, что это будет мужчина.

Но пришла женщина. Одета она была с редким вкусом — платье с какими-то буфами, чулки «сеточка», туфли на шпильках.

Прикрыв лицо рукой, Нейт заказал три двойных виски, без воды, без льда, а, по возможности, и без стакана: вот так, налейте прямо в пригоршню.

Она довольно долго пристально на него смотрела и уже было открыла рот, чтобы сказать: «Мы с Вами уже где-то...»

Но Нейт свирепо и жутко рявкнул:

— Каким макарон?!! Да я только что из тюрьмы! Восемнадцать лет за решеткой!!! Я изнасиловал, убил и съел хорошего мальчика! Или нет, сначала съел, а потом изнасиловал...

Ее как ветром сдуло, а виски принес буфетчик, который затем так постоянно и вертелся подле кабинки, пока Нейт пил и периодически, по гладкой полированной поверхности стола, посылал ему очередной чек на новые порции.

Так продолжалось около трех с половиной часов, пока Нейт не утомился немного и даже позволил себе завязать осторожную беседу со странным маленьким человечком, который с самого начала следил за ним, проскользнув в глубь кабинки, своими маленькими масляными глазками.

Нейт пожаловался незнакомцу на свои беды, а тот, не пропуская при этом ни рюмки, стал предлагать массу неосуществимых планов избавления от этих бед.

— Послушай, ты мне нравишься, — говорил человечек, — и поэтому я попробую тебя выручить. Я тоже немного психиатр, и по этому делу прочел кучу книг: Фромм, Фрейд, Беттельхейм, Калил Гибран, все что хочешь. Вот послушай, что я тебе скажу! Каждый человек состоит из мужского и женского начала, понимаешь, к чему я веду? Мне кажется, что твое женское начало пытается самоутвердиться. У тебя никогда не было мысли завести шашни с женщиной?

И тут, вдруг, Нейт почувствовал руку, шарящую у него по бедру. Но этого не могло быть! Никакая рука не могла дотянуться до него под столом через всю кабинку. Нейт завопил и глянул вниз... Под столом на четвереньках ползала официантка.

Нейт молнией вылетел из бара и не останавливался до тех пор пока не очутился в многолюдном районе. Когда же он наконец остановился и огляделся, то понял, что влип.

Он стоял на Стейт Стрит в тот самый момент, когда масса людей начинает расходиться из клубов...

Они преследовали его пятнадцать кварталов, и Нейт оторвался от двух последних — шикарной негритянки в обалденной натуральной шубе и пятидесятилетней матроны, которая пыталась использовать использовать свою, искусственную, вместо лассо, — лишь на какой-то изрытой канавами стройке. Когда они пропали из виду, Нейт еще долго слышал их вопли.

Приметив мотель на углу Шор Драйв и Огайо, Нейт завернулся получше в то, что осталось от его одежды и проверил кошелек, который, славу богу, не потерялся, когда эти скауты в юбках, — или скаутки? — отрывали рукава от его пиджака.

Оказавшись за стенами мотеля и временно ощутив себя в безопасности, Нейт снял номер. Администратор, молодой шептун в белоснежной рубашке, с белоснежным галстуком и аналогично белоснежным лицом, посмотрел на Нейта с несрываемой симпатией и предложил ему ключи от свадебного люкса.

Одиноким, оторванный от привычного распорядка жизни, Нейт таки настоял на своем выборе и поднялся лифтом наверх, оставив белоснежного администратора в сильном возбуждении.

Номер, который выбрал для себя Нейт, был маленьким и спокойным. Нейт задернул шторы, запер дверь, подпер стулом дверную ручку и тяжело опустился на край кровати. Через некоторое время он окончательно протрезвел, расслабился, но зато теперь разболелся

желудок. Нейт медленно разделся и забрался под горячий душ.

Намыливаясь, он размышлял. Хорошее это место для размышлений — душ.

Живя в Торонто, он мог, по крайней мере, хоть как-то себя обеспечить. Он сам создал себе такие условия, которые при всей своей мрачности, все же позволяли ему сносно существовать.

Но теперь Нейт понял, что нужно, в конце концов, что-то делать пора прекратить это безрадостное существование, которое год от года становилось все невыносимей. В двадцать семь лет ему не осталось уже никаких надежд. И безнадежность эта преследовала его с тех самых пор, как в нем проснулся мужчина.

Услышав о докторе Бреммер, он сильно колебался, — как-никак женщина. Но отчаянье усыпляет бдительность и он все-таки договорился о встрече. А теперь что: и цветочки осыпались и ягоды уже сорваны — только хуже стало. Конечно, поездка в Чикаго была изначально идиотской затеей. И что теперь делать? Как выбираться с вражеской территории с минимальными потерями?

Нейт нехотя посмотрел на себя в зеркало.

В зеркале отразилось его обнаженное тело.

Он действительно неплохо сложен.

И лицо у него хорошее, пожалуй, и правда, красивое... даже неотразимое...

Пока он смотрел на себя в зеркало, отражение начало мерцать и расплываться. Волосы отросли и посветлели, налились груди, а волосы с тела исчезли... Под его пристальным взглядом весь образ изменился...

Теперь перед ним стояла самая красивая женщина, какую он когда-либо видел.

Слова маленького человечка из бара на мгновение промелькнули в памяти, но тут же растворились в преклонении перед существом в зеркале.

Он потянулся к ней, но она отодвинулась.

— Убери руки, не приставай! — произнесло существо.

— Но я люблю тебя, в самом деле, люблю!

— Я честная девушка, — сказала отражение.

— Но я хочу не только твоего тела, — поспешно продолжил Нейт, в его голосе прозвучали умоляющие нотки. — Я хочу любить тебя и жить с тобой всю жизнь. Я построю для тебя хороший дом. Я всю жизнь ждал именно тебя!

— Ну, — откликнулась девушка, — я, конечно, могу немного поболтать с тобой. Но ты рукам воли не давай!

— Конечно, конечно, — пообещал Нейт. — Я их вообще уберу.

И они жили долго и счастливо.